

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (47).047/048

ГЕНЕРАЛЫ И ВОЕВОДЫ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМАНДИРОВ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ» И ЦАРСКИХ ВОЕВОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

А.А. РОГОЖИН

*Орловский государственный
университет*

e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

В статье характеризуется процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происходивший в XVI в. Анализируются противоречия, возникавшие между Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством в результате напряженной конкурентной борьбы за господство в Днепро-Донской лесостепи.

Ключевые слова: Российское царство, Юг России, Днепро-Донская лесостепь, Крымское ханство, Речь Посполитая, порубежье.

Во второй половине XVII в., в обстановке почти непрерывных войн с внутренними и внешними врагами, неуклонно повышается значение полков «нового строя». Соответственно с этим, растет и значение командиров полков «нового строя», особенно тех, что были пожалованы в генеральский чин и командовали генеральскими «региментами» из нескольких полков. Однако командование отдельными армиями, «разрядными полками», все еще оставалось в руках царских воевод, представителей старинных родов Российского государства, чьи отцы и деды занимали высокое положение в служебной иерархии. Генералы и воеводы должны были уживаться, чтобы вести совместные военные действия, нести царскую службу, и в этой связи отношения между командирами полков «нового строя» и разрядными воеводами представляют интерес для исследователя. Анализ этих отношений позволяет определить место командиров полков «нового строя» в служебной иерархии и – что относится в первую очередь к иностранным генералам в русской армии – культурной среде, позволяет определить степень интеграции иностранных военных профессионалов в русское общество второй половины XVII в.

Мы должны разграничить полковых и городских воевод. Полковые воеводы, в первую очередь начальствовавшие над разрядными полками, были командующими отдельных армий, и полковники и генералы полков «нового строя» оказывались в их подчинении. Между генералами и городскими воеводами часто были различные споры, особенно в тех случаях, когда их сфера деятельности не была четко разграничена. Но в отношении воевод разрядных полков со стороны командного состава полков «нового строя» такой вольности не наблюдалось. Воеводы разрядных полков были представите-

лями правящей верхушки Русского государства, вели свое происхождение от славных предков, в том числе и от легендарного Рюрика или Гедимина. Кн. Г.Г. Ромодановский, воевода Белгородского разряда, с некоторым перерывом командовавший два десятилетия Белгородским разрядным полком, вел происхождение от легендарного Рюрика. Кн. И.А. Хованский, воевода Новгородского разряда, свой род вел от великого князя литовского Гедимина. Другие воеводы, назначавшиеся разрядными воеводами во второй половине XVII в., также имели знатное происхождение. Это и кн. М.А. Черкасский, потомок кавказских князей, переехавших в Россию, и еще один Гедиминович, кн. В.В. Голицын. В этом отношении интересна «Роспись перечневая ратным людям, которые во 189 году росписаны в полки по разрядам», задокументировавшая один из этапов военной реформы 1680-1682 гг., а именно деление всей центральной части страны на разряды, военно-территориальные округа. Согласно этой «Росписи перечневой...» во главе всех разрядов были родовитые воеводы. Северский (Севский) разряд возглавлял знатный потомок великого князя литовского Гедимина боярин кн. В.В. Голицын, другой Гедиминович, сын кн. И.А. Хованского, боярин кн. П.И. Хованский, командовал Белгородским разрядом, представители видного боярского рода, боярин П. Меньшой В. Шереметев и стольник Б.П. Шереметев возглавляли Владимирский и Тамбовский разряды соответственно, представитель боярского рода Салтыковых, стольник и воевода Ф.П. Салтыков, возглавлял Смоленский разряд, Рюрикович боярин кн. Г.Г. Ромодановский начальствовал над Рязанским разрядом, а еще один потомок Рюрика, стольник и воевода кн. Я.Ф. Долгоруков, возглавлял Казанский разряд¹. При этом, даже отрешаясь от абстрактной знатности рода, а лишь принимая во внимание значение рода в государственном управлении, мы видим важность должности разрядного воеводы. Черкасские, Голицыны, Хованские, Салтыковы и Шереметевы принадлежали к 16 родам, что имели право быть пожалованными сразу в бояре, а Ромодановские и Долгоруковы относились к 15 родам, что жаловались сначала в окольные, а потом в бояре². Это была правящая верхушка Российского государства, политическая элита страны во второй половине XVII в. Мы рассмотрим отношения между командирами полков «нового строя» и полковыми воеводами в двух основных направлениях: служебные отношения (в том числе в период военных действий) и отношения в повседневной жизни, т.е. те отношения, которые не связаны непосредственно с царской службой.

Первый аспект, т.е. отношения в период военных действий, ведет нас и к четкому разграничению русских и иностранных генералов полков «нового строя», точнее, православных и неправославных, т.к. «новокрещенные» генералы включались в систему служебных отношений наряду с исконно русскими. Дело в том, что продолжающее существовать местничество не играло значительной роли в служебных отношениях на полях сражений, но занятие важных должностей было по-прежнему делом нескольких десятков знатных семейств. Русские генералы – а речь идет о генералах В.А. Змееве, А.А. Шепелеве, М.О. Кровкове и Г.И. Косагове – не относились в правящей верхушке Русского государства, не были представителями старинных родов, о чем свидетельствуют данные генеалогии³. Русские генералы не могли сравниться в «честности» рода с разрядными воеводами и не могли безусловно рассчитывать на думные чины. Тот факт, что В.А. Змеев и А.А. Шепелев стали окольными, Г.И. Косагов – думным дворянином, (лишь один М.О. Кровков из-за стрелецкого бунта 1682 г. испортил себе карьеру), говорит о том, что служба в полках «нового строя», военные дарования и отличия в военных действиях стали основой их служебного роста. Естественно, что для них дружба с разрядным воеводой

¹ Роспись перечневая ратным людям, которые во 189-м году росписаны в полки по разрядам // Иванов П. Описание Государственного Разрядного архива, с присовокуплением снимков со многих хранящихся в оном любопытных документов / Приложения. М., 1842. С.71-92.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XIII. // Он же. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 59.

³ О генеалогии Змеевых, Шепелевых, Кровковых и Косаговых см.: Арсеньев Ю.В. Родословная Шепелевых конца XVII века // ЧОИДР. М., 1900. Кн. 4. С. 25, 26-28; Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 136; Государственный архив Орловской области Ф. 633. Орловское наместническое правление. Оп. 1. Д. 5. Л. 410б-42; Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. IV. СПб., 1857. С. 279; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. М., 2006. С. 107, 114, 135-136; Румель В.В. Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886. С. 308-311.

и его поддержка имели первостепенное значение, на другие серьезные связи в правящей верхушке они едва ли могли рассчитывать.

Близкие отношения сложились между кн. П.И. Хованским и генералом М.О. Кровковым. Генерал состоял в родстве с воеводой, т.к. он и кн. П.И. Хованский были женаты на двоюродных сестрах Кафтыревых. В конце 1670-х гг. генерал часто обращал к князю свои послания, рассказывая о последних новостях, повествуя о ходе Чигиринских походов 1677-1678 гг. и т.п.⁴ М.О. Кровков ведал всеми делами по закупке строительного материала, найму мастеров и надзору за работой при строительстве двора князя в Москве. Сам князь, неся службу на границах государства, не мог участвовать в этом деле, поэтому передал все в руки генерала, который с видимым желанием выполнял просьбу своего покровителя, изредка спрашивая совета: «А будет тебе, государю, и хоромы строить, изволь ко мне прислать чертеж, на котором месте строит, и как основанию хоромному быть»⁵.

В конце 1670-начале 1680-х гг. сложилась дружба между двумя генералами, В.А. Змеевым и Г.И. Косаговым, и самой влиятельной политической фигурой времени регентства царевны Софьи Алексеевны, кн. В.В. Голицыным. В.А. Змеев, благодаря поддержке кн. В.В. Голицына, который ценил профессиональные качества военного, в начале 1680-х гг. превратился в своеобразного «военного министра» XVII в. и был пожалован в окольничие. Дружба между князем и В.А. Змеевым продолжалась и дальше, и в годы Крымских походов 1687 и 1689 гг. окольничий был «правой рукой» командующего русской армией кн. В.В. Голицына, причем это в дальнейшем станет причиной для обвинения В.А. Змеева в «нерадивости» под стенами Перекопа. Позднее, во время расследования по делу кн. В.В. Голицына, в именном указе о ссылке В.А. Змеева в его костромские деревни были отмечены дружеские отношения окольничего с кн. В.В. Голицыным, которые и стоит признать настоящей причиной опалы: «А ему Венедихту он, князь Василей, был друг, и его Венедихта он, князь Василей, по дружбе своей слушал: и тем своим нерадением их государской казне учинили великие убытки, а государству разорение и людям тягость»⁶. Надо заметить, что, несмотря на тяжесть обвинений, В.А. Змеев так и не дал свидетельств о подкупе кн. В.В. Голицына крымским ханом, чего так настойчиво от него добивались.

Близкое знакомство кн. В.В. Голицына с генералом Г.И. Косаговым могло начаться в 1680 г., когда князь служил на южной границе, в качестве воеводы Большого полка. Назначение В.В. Голицына состоялось в декабре 1679 г., и местом расположения Большого полка и его командующего стал Севск⁷. Генерал Г.И. Косагов считался товарищем Белгородского разрядного воеводы, а сам воевода (в 1680 г. им был кн. П.И. Хованский), должен был в случае опасности советоваться, подчиняться или «идти в сход» к воеводе Большого полка. Кн. В.В. Голицын выступал в качестве командующего всех русских войск на юге, так что одним из его подчиненных был и генерал-поручик Г.И. Косагов⁸. Г.И. Косагов на тот момент имел славу замечательного полководца и расторопного организатора, с блеском завершавшим свой участок работ по возведению Изюмской черты, поэтому его приближение к кн. В.В. Голицыну, ценившему профессионализм во всем, было естественно. Свидетельства о взаимоотношениях Г.И. Косагова и кн. В.В. Голицына дал француз де ла Невилль. Повествуя о попытке князя получить прощение Петра добровольным появлением под стенами Троицкого монастыря, де ла Невилль писал, что кн. В.В. Голицын взял с собой, помимо прочих людей, «и своего близкого приятеля, некоего Касогова»⁹. В этой дружбе престарелого думного дворянина, генерал-поручика Г.И. Косагова и могущественного сановника не было ничего странного, ибо, по словам все того же француза, кн. В.В. Голицын «не уважая знатных людей, по причине их невежест-

⁴ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. №46, 49. С. 336-337, 340-341.

⁵ Там же. №53. С. 344-345.

⁶ Дело о князе В.В. Голицыне // Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Т. III. Ч. XII. СПб., 1888. №13. Стб. 975-976.

⁷ Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 110.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Невилль, Де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 507.

ва, он чтит только достоинства и осыпает милостями только тех, кого считает заслуживающими их и преданными себе»¹⁰.

Отношения между иностранными генералами и разрядными воеводами также обходились без заметных ссор и споров. Конфликты между иностранными генералами и разрядными воеводами исчерпываются одним исключением, но исключением действительно важным, так, что на нем стоит остановиться подробнее. Воевода кн. И.А. Хованский в сентябре 1660 г. писал царю о своей ссоре с генерал-поручиком Т. Далйеллом. Разногласия возникли по мелкому и частному вопросу. Рейтары из полков, которые были под началом кн. И.А. Хованского, пьяными подрались с солдатами генеральского «режима». Князь пообещал разобраться в этом вопросе и наказать виновных. Это была версия самого кн. И.А. Хованского. В реальности, возможно, отказ от немедленного наказания рейтар был сделан воеводой в более резкой форме, и иностранный аристократ оскорбился. Т. Далйелл «учал мне говорить невежливо, а сказал: роздам де порох и свинец солдатом и велю по дворяном и рейтаром стрелять», после чего по тревоге собрав свой полк, вывел его за город и демонстративно отказался от командования. Вопрос был все же не в наказании трех несчастных рейтар за драку, а в куда более серьезной проблеме соподчиненности и взаимных обязательств. Согласно документу, пехота под командованием генерал-поручика Т. Далйелла была отделена от поместных сотен и рейтарских полков, которые были в ведении кн. И.А. Хованского. Командование войсками Новгородского разряда, частью которого в этом случае выступал и «режимент» Т. Далйелла, оставалось за кн. И.А. Хованским. Однако генерал чувствовал за собой серьезную поддержку в лице солдат и стремился к большей самостоятельности. Прибывший с Британских островов генерал привык, что командир такого высокого чина имеет определяющее значение в решении вопросов в военной сфере. Генерал-поручик отказался признавать власть кн. И.А. Хованского, чувствуя себя относительно свободным, ведь, по его мнению, он мог в любой момент покинуть Россию. «И с того числа он, генерал, ни в чем меня не слушает и к полку не ходит», – жаловался в той же отписке князь И.А. Хованский царю Алексею Михайловичу¹¹.

Первоначально предполагалось отправить указ об отстранении от командования генерал-поручика Т. Далйелла по жалобе кн. И.А. Хованского. Но указ, отправленный лишь 15 сентября 1660 г., пришлось поменять. Вскоре состоялось сражение под Толочном, затем кн. И.А. Хованский был окружен под Череей и отступил в направлении Полоцка. Генерал-поручик Т. Далйелл проявил себя с лучшей стороны во всех этих действиях, что признавал и сам воевода. В мае уже следующего, 1661 г. генерал-поручик отразил натиск полковника Есмана, пытавшегося внезапно захватить Полоцк, и разгромил его литовский отряд¹². Честная служба генерал-поручика и его мужество привели к перемене настроения царя. Летом 1661 г. через стольника Г.И. Кафтырева Алексей Михайлович велел передать воеводе кн. И.А. Хованскому, «чтоб к генералу и поручику к Томасу Далйеллу ласку и привет держал и в ратном ученье и во всяком ратном деле воли у него не отнимал, и велел ему, генералу, ведать надо всеми салдатскими полками и над стрельцами». Генерал-поручик назначался практически товарищем воеводы, только в силу своего иностранного происхождения и положения он был менее зависимым от главного воеводы, чем любой русский служилый человек на его месте. Правда, чтобы «сгладить острые углы» конфликта и не лишать армию Новгородского разряда единоначалия, царь призвал и Т. Далйелла, чтобы он «боярину и воеводе князю Ивану Андреевичу был послушен и о всяком деле с ним советовал». Выступить на стороне иностранного генерала царя вынудили в первую очередь профессиональные качества Т. Далйелла, потому что «ратное ученье и всякой ратный строй ему за обычай»¹³. Это был не последний случай, когда независимый нрав шотландского генерала приводил его к разногласиям с видными русскими полководцами и сановниками. В 1663 г., после смерти генерала А. Лесли,

¹⁰ Невиль, Де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 488.

¹¹ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ). Т. III / Под ред. Д.Я. Самоквасова. СПб., 1901. №175. С. 155.

¹² Бабулин И.Б. Генерал из Шотландии // Армии и битвы. 2004. № 3. С. 46-47.

¹³ АМГ. Т. III / Под ред. Д.Я. Самоквасова. СПб., 1901. №440(3). С. 388.

Т. Далйелл получил чин полного генерала и должен был отправляться на службу из Полоцка в Смоленск. «Генерал Далйелл вместо отъезда в Смоленск явился в Москву с кое-какими жалобами, что немало рассердило боярина Илью Даниловича (Милославского. – А.Р.)». Через несколько дней шотландец, «обменявшись резкими словами с боярином Ильей Даниловичем, остался в Слободе, возмущенный и недовольный» Только через полтора месяца Т. Далйелла «от недовольства прожившего несколько недель в Слободе, наконец соблазнили на уступки. Помирившись с боярином, он получил удовлетворение и отправился в город»¹⁴.

Однако чаще иностранные командиры полков «нового строя», особенно выслужившиеся в России с нижних чинов начальных людей или долгое время прослужившие полковниками и лишь затем пожалованные генеральским чином, рассматривали служебное подчинение разрядным воеводам в качестве залога успешной службы. В частности, Франц Вульф обращался к князю П.И. Хованскому, в бытность последнего главой Белгородского разряда, и просил взять его в свою армию, Белгородский полк. Причина проста – Франц Вульф не желал служить в Севске. Гетман И.С. Самойлович, по сведениям Ф. Вульфа, писал к царю с просьбой назначить этого иноземца в Севский разряд и передать под его командование всю конницу и пехоту Севского полка, но «мне, рабу твоему, в Севску не хочется», – сообщал кн. П. И. Хованскому Ф. Вульф¹⁵. Раньше с такой просьбой к кн. П.И. Хованскому обращался еще один иностранный командир «нового строя», Яков Бильс, причем ему было отказано¹⁶. Командиры полков «нового строя», в том числе и иностранцы, старались найти себе покровителя в кругу высших сановников, чтобы получать поддержку своих челобитий. А. Траурнихт, в бытность свою командующим гарнизоном Чигиринской крепости в русско-турецкую войну, пытался заручиться поддержкой кн. В.В. Голицына, прежде чем подавать царю челобитную о «перемене» его со службы. В письме он просил князя, чтобы В.В. Голицын, когда жена А. Траурнихта отправится к государю с челобитной, поддержал просьбу командира – «...буди заступник у великого государя...», – обращался А. Траурнихт к стремительно набирающему политический вес сановнику¹⁷.

В 1680-х гг. Патрик Гордон, неся службу в Киеве, весьма сдружился с киевским воеводой Ф.П. Шереметевым. Дневник П. Гордона пестрит указаниями на веселое времяпрепровождение в компании боярина. «Декабря 25. День Рождества Христова. Я обедал дома с друзьями, а вечером был у боярина, где мы устроили фейерверк... Боярин с супругой были у меня за полночь, веселились и танцевали <...> Боярин с товарищами, все полковники подполковники были у меня вечером <...> Мы обедали у Ивана Озерова, и боярин с супругой приехали ужинать ко мне <...> Мы все обедали у боярина. После обеда пили за доброе здравие Их Величеств из большого позолоченного бокала, вмещающего шотландскую пинту <...> Мы все на пиру у боярина обильно напильсь и делали много визитов. Боярин и Мазепа ужинали у меня <...> На пиру у окольного. Боярин потом пришел ко мне, и мы выезжали верхом в поля <...> Я обедал у боярина и, посетив окольного, мы все отправились за Днепр <...> Я ездил с боярином и окольным на остров, где содержатся мои лошади, и хорошо позабавился охотой на зайца». Близкие отношения с Ф.П. Шереметевым затрагивали порой личные вопросы. После смерти супруги боярина, Ф.П. Шереметев попросил именно П. Гордона произнести погребальную речь об умершей супруге, потому что из-за болезни не смог прийти сам. Родственники самого Ф.П. Шереметева были не против такой дружбы, видя в опытном и уже много повидавшем шотландце своего рода наставника для Ф.П. Шереметева. П. Гордон даже написал отцу киевского воеводы, Петру Васильевичу Шереметеву, письмо «в ответ на его [пись-

¹⁴ Гордон П. Дневник 1659-1667. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М., 2002. С. 128, 133.

¹⁵ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. № 32. С. 324. В конце своего письма Ф. Вульф обращался к князю: «Милости у тебя, государя своего, прошу, князь Петр Иванович, помилуй меня своею милостью, выведи меня из тюрьмы отсуды, и я на тебя, государя своего, надежен, аки на Бога своего родного». – Там же. № 32. С. 324.

¹⁶ Там же. № 32. С. 324. По сведениям Ф. Вульфа, которые он получил от думного дьяка В.Г. Семенова, кн. П.И. Хованский «...Якову Бильсу в твой полк ему Якову отказал, что он тебе, государю, не надобен». Там же. № 32. С. 324.

¹⁷ Грамотки XVII-начала XVIII века. / Под. ред. С.И. Коткова. М., 1969. №275. С. 148.

мо], с обещанием давать верный совет его сыну»¹⁸. Это далеко не все, лишь наиболее заметные случаи доброжелательных отношений между генералами и воеводами, их попытки найти общий язык и продолжать совместную службу без лишних ссор и споров.

Вторая половина XVII в. была непростым временем для традиционных служебных отношений в Русском государстве. Наряду с воеводами, долгое время олицетворявшими военное командование в России, в войнах с Речью Посполитой и Турцией появляется новая военная элита, представленная высшим командным составом полков «нового строя», генералами, военными профессионалами, имевшими навык в командовании именно солдатскими, драгунскими и рейтарскими полками. Но развитие государства до эпохи Петра I шло эволюционным путем, путем плавных изменений, и в войнах второй половины века русское правительство активно использует взаимодействие разрядных воевод и представителей высшего командного состава полков «нового строя». Разрядные полки, а по сути армии, по-прежнему возглавляют разрядные воеводы из числа аристократов, но вместе с ними, рядом, в главных военных кампаниях Российского государства, были уже люди, которых можно считать настоящими военными профессионалами нового типа, добившимися всего своими дарованиями и работой. При этом генералы полков «нового строя», за исключением Т. Далйелла, пытались построить доброжелательные отношения с разрядными воеводами, своими непосредственными начальниками. Это был новый виток в развитии русской армии, переходный период в развитии русского военного дела в целом, который подготовил почву для реформ Петра I.

GENERALS AND VOIVODS: THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE COMMANDERS OF THE NEW-FORMATION REGIMENTS AND THE TSARS' VOIVODS IN THE SECOND HALF OF XVII CENTURY

A.A. ROGOZHIN

Orel State University

e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

The commanders of the regiments of «new order» were in contact with the tsars' voivods in the service. These relationships were varied, from conflict to friendship. Major episodes of the relationships between colonels and generals and the tsars' voivods in the second half of XVII century are explored in the article.

Keywords: colonels and generals, tsars' voivods, regiments of «new order», wars, conflicts and friendship.

¹⁸ Гордон П. Дневник 1684-1689 / Пер., статья и прим. Д.Г. Федосов. М., 2009. С. 41, 42, 43, 46, 48, 50, 52, 53, 59, 60.